

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
31 May 2010
Russian
Original: French

Комиссия международного права

Шестдесят вторая сессия

Женева, 4 мая — 5 июня и 6 июля — 7 августа 2010 года

Пятнадцатый доклад об оговорках к международным договорам

Подготовлен Специальным докладчиком Аленом Пелле

Добавление*

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
I. Введение	1–66	} A/CN.4/614
II. Процедура формулирования заявлений о толковании.	67–79	
III. Действительность оговорок и заявление о толковании.	80–178	A/CN.4/614/Add.1
IV. Последствия оговорок и заявлений о толковании	179–526	} A/CN.4/614/Add.2
A. Последствия оговорок, принятия и возражений	183–526	
1. Правила Венских конвенций.	183–196	} A/CN.4/624
2. Допустимые оговорки	197–385	
a) Действующие оговорки	198–290	
b) Последствия возражения против действительной оговорки.	291–369	
c) Последствия действительной оговорки для экстрадоговорных норм.	370–385	
3. Недействительные оговорки.	386–514	} A/CN.4/624/Add.1
4. Отсутствие последствий оговорки для договорных отношений между другими договаривающимися сторонами	515–526	

* Специальный докладчик хотел бы выразить глубокую признательность исследователям Центра международного права в Нантерре (СЕДИН) Даниелю Мюллеру и Алине Мирон за неоценимую помощь в подготовке настоящего добавления.

В. Последствия заявлений о толковании, одобрения, несогласия, молчания и переквалификации	527–573	3
--	---------	---

IV. Последствия оговорок и заявлений о толковании (продолжение)

В. Последствия заявлений о толковании, одобрения, несогласия, молчания и переквалификации

527. Несмотря на давно сложившуюся и хорошо разработанную практику, ни Венская конвенция 1969 года, ни Конвенция 1982 года не содержат норм, касающихся заявлений о толковании и тем более — возможных последствий таких заявлений⁸³².

528. История разработки конвенций объясняет причины возникновения этого пробела. Хотя первые специальные докладчики не уделяли внимания вопросу о заявлениях о толковании⁸³³, сэр Хамфри Уолдок⁸³⁴ осознавал, и какие трудности возникают в связи с практикой таких заявлений, и какое решение, причем совершенно простое, требуется для устранения этих трудностей. Некоторые правительства в своих замечаниях к принятому в первом чтении проекту статей вновь подняли вопрос не только об отсутствии заявлений о толковании и о различии, которое следует проводить между такими заявлениями и оговорками⁸³⁵, но и о факторах, которые необходимо учитывать при толковании договора⁸³⁶. В 1965 году Специальный докладчик постарался успокоить эти государства, подтвердив, что Комиссия не оставила вопрос о заявлениях о толковании без внимания. И сэр Хамфри продолжает:

«Заявления о толковании, однако, остаются проблемой, как и, возможно, политические заявления, сделанные в связи с договором. Вопрос заключается в том, каковы последствия заявлений каждой из этих категорий. Некоторые нормы, касающиеся этого вопроса, содержатся в статье 69, в частности, в пункте 3, о соглашении между сторонами по вопросу о толковании договора и о последующей практике применения договора. Этот

⁸³² См. *Ежегодник Комиссии международного права*, 1999 год, том II, часть вторая, стр. 113, пункт 1 комментария к руководящему положению 1.2.

⁸³³ Фицморис лишь уточнил, что термин «оговорка» «не включает простые заявления о том, как соответствующее государство предлагает выполнять договор, или заявления о понимании или толковании, за исключением случая, когда такие заявления предполагают наличие разногласий относительно существенных условий или последствий договора» (первый доклад о праве международных договоров, A/CN.4/101, *Ежегодник Комиссии международного права*, 1956 год, том II, стр. 112 французского текста).

⁸³⁴ В своем определении термина «оговорка» сэр Хамфри Уолдок пояснил, что «заявления, сделанные в порядке разъяснения, заявления о толковании или заявления о намерении в отношении смысла договора, которое не равносильно намерению изменить юридические последствия договора, не являются оговорками» (первый доклад о праве международных договоров, A/CN.4/144, *Ежегодник Комиссии международного права*, 1962 год, том II, стр. 36 французского текста).

⁸³⁵ См., в частности, комментарии правительства Японии, обобщенные в четвертом докладе о праве международных договоров сэра Хамфри Уолдока (A/CN.4/177, Add.1 и 2, *Ежегодник Комиссии международного права*, 1965 год, том II, стр. 49 французского текста), и замечания правительства Соединенного Королевства, которое отметило, что «в статье 18 речь идет только об «оговорках», и предполагается, что смежный вопрос о заявлениях о толковании будет рассмотрен в последующем докладе» (там же).

⁸³⁶ См. комментарии Соединенных Штатов Америки к проектам статей 69 и 70 относительно толкования, обобщенные в шестом докладе о праве международных договоров сэра Хамфри Уолдока (A/CN.4/186 и Add. 1–7, *Ежегодник Комиссии международного права*, 1966 год, том II, стр. 100 французского текста).

вопрос также затрагивается в статье 70, в которой говорится о дополнительных средствах толкования»⁸³⁷.

Вопреки мнению, высказанному рядом членов Комиссии⁸³⁸, последствия заявления о толковании «регулируются положениями, касающимися толкования»⁸³⁹. Хотя «заявления о толковании, безусловно, важны, ... есть сомнения относительно того, стоит ли им посвящать отдельные положения; поскольку юридическое значение заявления о толковании всегда зависит от конкретных обстоятельств, при которых оно было сделано»⁸⁴⁰.

529. Вопрос о заявлениях о толковании вновь обсуждался на Венской конференции 1968–1969 годов, в частности в контексте предложенной Венгрией поправки к определению термина «оговорка»⁸⁴¹ и к статье 19 (нынешняя статья 21), касающейся последствий оговорки⁸⁴². Эта поправка имела целью приравнять заявления о толковании к оговоркам, не проводя при этом каких-либо различий между этими двумя категориями, в частности в том что касается последствий каждой из них. Ряд делегаций, тем не менее, недвусмысленно выступили против такого приравнивания⁸⁴³. Сэр Хамфри Уолдок, выступавший в качестве эксперта-консультанта,

«указал на риски, которыми чревато включение заявлений о толковании в понятие оговорки. На практике причина, по которой то или иное государ-

⁸³⁷ *Ежегодник Комиссии международного права*, 1965 год, том I, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 181 французского текста, пункт 13. См. также четвертый доклад о праве международных договоров сэра Хамфри Уолдока, A/CN.4/177 и Add.1 и 2, *Ежегодник Комиссии международного права*, 1965 год, том II, стр. 52 французского текста, пункт 2.

⁸³⁸ См. комментарии г-на Фердросса (*Ежегодник Комиссии международного права*, 1965 год, том I, 797-е заседание, 8 июня 1965 года, стр. 166 французского текста, пункт 36, и 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 182 французского текста, пункт 23) и г-на Аго (там же, 798-е заседание, 9 июня 1965 года, стр. 178 французского текста, пункт 76). См. также: г-н Кастрен (там же, 10 июня 1965 года, стр. 183 французского текста, пункт 30) и г-н Бартош (там же, пункт 29).

⁸³⁹ *Ежегодник Комиссии международного права*, 1965 год, том I, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 181 французского текста, пункт 14. См. также четвертый доклад о праве международных договоров сэра Хамфри Уолдока, A/CN.4/177 и Add.1 и 2, *Ежегодник Комиссии международного права*, 1965 год, том II, стр. 52 французского текста, пункт 2. («Заявления о толковании не были рассмотрены Комиссией в настоящем разделе по той простой причине, что эти заявления не являются оговорками и относятся скорее к толкованию, чем к заключению договоров» (выделено автором настоящего доклада)).

⁸⁴⁰ Там же.

⁸⁴¹ A/CONF.39/C.1/L.23, *Documents de la Conférence* (A/CONF.39/11/Add.2), сноска 606 выше, стр. 122 французского текста, пункт 35(vi)(e). Делегация Венгрии предложила следующую формулировку: «„Оговорка“ означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении *многостороннего* договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить, изменить *или истолковать* юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству» (выделено в тексте).

⁸⁴² A/CONF.39/C.1/L.177, там же, стр. 151 французского текста, пункты 199(ii)(d) и (iii). См. также пояснения, представленные в ходе Конференции, *Comptes-rendus analytiques* (A/CONF.39/11), сноска 607 выше, 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, стр. 148 и 149 французского текста, пункты 52 и 53.

⁸⁴³ См., в частности, позицию Австралии (*Comptes-rendus analytiques* (A/CONF.39/11), сноска 607 выше, 5-е заседание, 29 марта 1968 года, стр. 33 французского текста, пункт 81), Швеции (там же, стр. 34 французского текста, пункт 102), Соединенных Штатов Америки (там же, 5-е заседание, стр. 35 французского текста, пункт 116) и Соединенного Королевства (там же, 25-е заседание, 16 апреля 1968 года, стр. 149 французского текста, пункт 60).

ство делает заявление о толковании, заключается, как правило, в его нежелании «впутываться в сети» правового регулирования оговорок»⁸⁴⁴.

Поэтому он призвал

«Редакционный комитет учесть всю сложность этой проблемы и не рассматривать возможность приравнивания заявлений о толковании к оговоркам как простой вопрос»⁸⁴⁵.

530. В конечном итоге Редакционный комитет не учел поправку Венгрии. Выступавший от имени Мексики г-н Сепульведа Амор обратил внимание на то, что «рассматриваемые статьи не содержат определения акта, о котором идет речь в подпункте b) пункта 2 статьи 27 [которая стала статьей 31]», несмотря на то, что «инструменты для толкования такого рода имеют широкое распространение на практике»⁸⁴⁶, и указал, что «необходимо четко установить юридические последствия таких заявлений с проведением различия между ними и последствиями собственно оговорок»⁸⁴⁷. Тем не менее, в Венских конвенциях не было предусмотрено ни одного положения, которое бы регулировало заявления о толковании. Таким образом Конференция согласилась с выводами сэра Хамфри о последствиях этих заявлений⁸⁴⁸.

531. Вопрос о конкретных последствиях заявлений о толковании более не поднимался ни в работе Комиссии, ни в ходе Венской конференции 1986 года.

532. В то же время отсутствие в Венских конвенциях отдельного положения относительно юридических последствий, которые может порождать заявление о толковании, не означает, что эти конвенции не содержат никаких указаний по этому вопросу, о чем свидетельствуют замечания, сделанные в ходе их разработки⁸⁴⁹.

533. Как явствует из их названия, их назначение и функция заключаются в том, чтобы предложить толкование договора⁸⁵⁰. Следовательно, согласно определению, которое было принято Комиссией:

«Заявление о толковании» означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым названием, сделанное государством или международной организацией, посредством которого это государство или эта организация желает уточнить или разъяснить смысл или значение, которые заявитель придает договору или определенным его положениям»⁸⁵¹.

Уточнение или разъяснение положений договора как раз и означает его толкование, и именно по этой причине Комиссия использовала эти термины в определении заявлений о толковании⁸⁵². Хотя, как указывается в комментариях к руково-

⁸⁴⁴ Там же, стр. 149 французского текста, пункт 56.

⁸⁴⁵ Там же.

⁸⁴⁶ Там же, 21-е заседание, 10 апреля 1968 года, стр. 123 французского текста, пункт 62.

⁸⁴⁷ Там же.

⁸⁴⁸ См. сноску 840 выше.

⁸⁴⁹ См. пункт 28 выше.

⁸⁵⁰ *Ежегодник Комиссии международного права*, 1999 год, том II, часть вторая, стр. 117, пункт 16 комментария к руководящему положению 1.2.

⁸⁵¹ Руководящее положение 1.2 (Определение заявлений о толковании), *Ежегодник Комиссии международного права*, 1999 год, том II, часть вторая, стр. 113.

⁸⁵² См. комментарий к руководящему положению 1.2 (Определение заявлений о толковании), там же,

дающему положению 1.2 (Определение заявлений о толковании), принятое определение «никоим образом не предопределяет ни действительности, ни действия подобных заявлений»⁸⁵³, представляется почти очевидным, что последствия заявления о толковании возникают в основном в рамках весьма сложного процесса толкования.

534. Прежде чем рассматривать роль, которую может сыграть такое заявление в процессе толкования, следует, однако, уточнить, какие последствия оно ни в каком случае не порождает. Сравнение определения заявлений о толковании с определением оговорок со всей очевидностью показывает, что оговорка направлена на изменение договора или на исключение определенных положений, тогда как заявление о толковании делается с одной лишь целью – уточнить или разъяснить смысл. Автор заявления о толковании не пытается освободиться от международных обязательств, возлагаемых на него договором; он стремится придать этим обязательствам определенное значение. Как весьма четко пояснил К. Яссин:

«Государство, формулирующее оговорку, признает, что договор в целом имеет определенное значение, но оно желает изменить, ограничить или расширить действие одного или нескольких его положений.

Государство, делающее заявление о толковании, заявляет, что, по его мнению, договор или какая-либо из его статей должны толковаться определенным способом; оно придает объективное и общее значение этому толкованию. Другими словами, оно считает договор обязательным для себя и желает, из принципиальных соображений, выразить свою точку зрения на толкование договора»⁸⁵⁴.

Если бы последствием заявления о толковании было изменение договора, такое заявление являлось бы не заявлением о толковании, а оговоркой. В комментарии Комиссии к подпункту d) пункта 1 статьи 2 своего проекта статей 1966 года прямо указывается на эту диалектику:

«Нередко государства при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему делают заявления относительно своего понимания того или иного вопроса или относительно своего толкования какого-либо отдельного положения. Такие заявления могут представлять собой просто уточнение позиции государства, или напротив, являться оговоркой в зависимости от того, приводят ли такие заявления к изменению или исключению применения условий договора в том виде, в каком он был принят»⁸⁵⁵.

стр. 117, пункт 18.

⁸⁵³ Там же, стр. 120, пункт 33 комментария.

⁸⁵⁴ *Ежегодник Комиссии международного права*, 1965 год, том I, 799-е заседание, 10 июня 1965 года, стр. 182 французского текста, пункты 25 и 26.

⁸⁵⁵ *Ежегодник Комиссии международного права*, 1966 год, том II, стр. 206 французского текста, пункт 11 комментария. См. также пояснения сэра Хамфри Уолдока, *Ежегодник Комиссии международного права*, 1965 год, том I, 799-е заседание, стр. 181 французского текста, пункт 14 («...принципиальный момент заключается в том, что, если бы заявление о толковании являлось оговоркой, его последствия определялись бы в соответствии с положениями статей 18–22. В таком случае согласие играло бы роль, но в форме отклонения или принятия оговорки другими заинтересованными государствами. Если же заявление о толковании не преследует цель изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к государству — автору заявления, то такое заявление является заявлением о толковании и регулируется нормами о

535. Международный Суд также подчеркнул, что толкование договора не может приводить к его изменению. Как указывается в его консультативном заключении относительно толкования мирных договоров, заключенных с Болгарией, Венгрией и Румынией: «Обязанность Суда — толковать договоры, а не пересматривать их»⁸⁵⁶.

536. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что заявление о толковании никоим образом не может изменить положения договора. Вне зависимости от того, верно ли толкование или нет, положения договора остаются обязательными для его автора. Именно так, безусловно, следует понимать заявление Европейской комиссии по правам человека по делу *Беллос*, в котором она подтвердила, что заявление о толковании

«может учитываться при толковании статей Конвенции. Если же Комиссия или Суд дадут иное толкование, затрагиваемое государство будет обязано руководствоваться этим толкованием»⁸⁵⁷.

Другими словами, государство, полагаясь на толкование, предложенное им в одностороннем порядке, не ограждает себя, тем не менее, от риска нарушения своих международных обязательств. Если его толкование не соответствует «обычному значению, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора» (пункт 1 статьи 31 Венских конвенций), возникает серьезный риск несоответствия действий государства при выполнении договора тому, что от него требуется согласно его договорным обязательствам⁸⁵⁸.

537. В тех случаях когда государство или международная организация ставит свое согласие на обязательность для него/нее договора в зависимость от своего толкования, формулируя условное заявление о толковании по смыслу руководящего положения 1.2.1 (Условные заявления о толковании)⁸⁵⁹, складывается несколько иная ситуация. Конечно, если толкование, предлагаемое автором заявления о толковании, согласуется с толкованием, данным третьей стороной — компетентным органом⁸⁶⁰, никаких проблем не возникает; и заявление о толковании остается исключительно толкованием и может играть в процессе толкования договора такую же роль, как и любое другое заявление о толковании. Но если толкование, предлагаемое автором заявления о толковании, не соответствует толко-

толковании»).

⁸⁵⁶ Avis consultatif du 18 juillet 1950, *C.I.J. Recueil 1950*, p. 229. Voir aussi les arrêts du 27 août 1952, *Droits des ressortissants des États-Unis d'Amérique au Maroc (France c. États-Unis d'Amérique)*, *C.I.J. Recueil 1952*, p. 196, et du 18 juillet 1966, *Sud-Ouest africain (Libéria et Ethiopie c. Afrique du Sud)*, *C.I.J. Recueil 1966*, p. 48, par. 91.

⁸⁵⁷ Rapport du 7 mai 1986, vol. 1, n°32, par. 102.

⁸⁵⁸ См. также D. M. McRae, « The Legal Effect of Interpretative Declarations », *British Year Book of International Law*, vol. 49, 1978, p. 161; M. Heymann, *Einseitige Interpretationserklärungen zu multilateralen Verträgen*, Duncker & Humblot, Berlin, 2005, p. 126, ou F. Horn, note 462, ci-dessus p. 326.

⁸⁵⁹ *Ежегодник Комиссии международного права*, 1999 год, том II, часть вторая, стр. 112 и 113.

⁸⁶⁰ Представляется маловероятным, чтобы «аутентичное» толкование договора (то есть толкование, которое было дано всеми участниками) сильно отличалось от толкования, данного автором заявления о толковании: по определению аутентичное толкование исходит от всех сторон (см. J. Salmon (dir.), *Dictionnaire de droit international public*, Bruylant, Bruxelles, 2001, p. 604: «Толкование, сформулированное автором или всеми авторами толкуемого положения, в частности, в случае договора, всеми участниками, таким образом, что авторитетность этого толкования не может быть поставлена под сомнение»; см. также пункты 567–572 ниже).

ванию договора, объективно сформулированному (следуя правилам Венских конвенций) независимой третьей стороной, возникает проблема: автор не согласен на обязательность для себя договора, толкуемого таким образом, и намерен руководствоваться текстом договора, толкуемым и применяемым так, как предложил он сам. Следовательно, он ставит свое согласие на обязательность для себя договора в зависимость от определенного способа толкования, которое, предположительно, не соответствует «обычному значению, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора» (пункт 1 статьи 31 Венских конвенций). В этом случае — и только в этом случае — условное заявление о толковании должно приравниваться к оговорке и не может порождать никаких иных последствий, кроме последствий, порождаемых оговоркой, если соблюдены соответствующие условия. Такой случай, который не является просто гипотетическим, доказывает, что, хотя такое заявление о толковании, согласно его формулировке, не направлено на изменение договора, на это заявление, тем не менее, должен распространяться правовой режим, действующий в отношении оговорок. Как указывает профессор Макрей:

«Поскольку государство, делающее заявление, настаивает на своем толковании, невзирая на подлинное толкование договора, оно преследует цель исключить или изменить условия договора. Следовательно, с таким заявлением следует связывать те же последствия, которые связаны с формулированием оговорок»⁸⁶¹.

538. С учетом всего вышесказанного проект руководящего положения 4.7.4 касается особого случая условных заявлений о толковании, которые не представляется возможным прямо и просто приравнять к оговоркам по определению, но которые порождают те же последствия, что и оговорки:

4.7.4 Последствия условного заявления о толковании

Условное заявление о толковании порождает те же последствия, что и оговорка, согласно руководящим положениям 4.1–4.6.

539. В случае же простых заявлений о толковании простое предложение толкования, которое не соответствует положениям договора, никак не изменяет позицию его автора по отношению к договору. Он остается связанным договором и обязан его соблюдать. Эта позиция была также подтверждена профессором Макреем:

«государство просто сообщило свое мнение по поводу толкования договора, которое может быть (а может и не быть) мнением, которое будет принято в арбитражном или судебном разбирательстве. Предлагая это толкование, государство не исключает ни последующих процедур, связанных с толкованием договора, ни возможности того, что его толкование будет отвергнуто. При условии, таким образом, что государство, делающее оговорку, по-прежнему имеет ввиду окончательное официальное толкование, которое может отличаться от его собственной точки зрения, нет

⁸⁶¹ D. M. McRae, note 858 ci-dessus, p. 161. См. также M. Heymann, note 858 ci-dessus, 147 et 148.

Г-жа Хейман разделяет точку зрения, согласно которой условное заявление о толковании должно рассматриваться как оговорка только в том случае, когда договором учреждается орган, правомочный давать авторитетное толкование. В других случаях, по ее мнению, условное заявление о толковании никоим образом не может изменять положения договора (ibid, p. 148 à 150).

никаких причин для того, чтобы относиться к заявлению о толковании так же, как к попытке модифицировать или изменить договор»⁸⁶².

540. Таким образом, хотя заявление о толковании не затрагивает нормативную значимость и обязательный характер обязательств, содержащихся в договоре, оно, тем не менее, не лишено последствий или роли в отношении его толкования. Как уже было отмечено при рассмотрении вопроса о действительности заявления о толковании⁸⁶³, «в силу своего суверенитета каждое государство имеет право указывать смысл, который оно придает договорам, участником которых оно является, в том что касается его самого»⁸⁶⁴. Это соответствует определенной необходимости: адресаты правовой нормы должны непременно давать ей толкование, с тем чтобы применять ее и выполнять те обязательства, которые на них возложены⁸⁶⁵.

541. Заявления о толковании представляют собой прежде всего выражение того понимания, которое стороны имеют в отношении своих международных обязательств, вытекающих из договора. В силу этого они представляют собой средство определения намерения, с которым договаривающиеся государства или договаривающиеся организации приняли на себя договорные обязательства. Именно в силу этого судебная практика⁸⁶⁶ и доктрина подтвердили необходимость учета заявлений о толковании в договорном процессе в качестве элемента, относящегося к толкованию договора. Профессор Макрей уточняет:

«по сути именно в этом и заключается юридическое значение заявления о толковании: оно свидетельствует о намерении, в свете которого должен толковаться договор»⁸⁶⁷.

542. Эту точку зрения разделяет г-жа Моника Хейман. Она подтверждает, с одной стороны, что толкование, которое не принято или которое принято только отдельными сторонами, не может представлять собой элемент толкования по смыслу статьи 31 Венской конвенции; и вместе с тем она добавляет: «это, однако, не исключает того, что оно может быть использовано при определенных условиях в качестве показателя общей воли сторон»⁸⁶⁸.

543. Конституционный совет Франции подтвердил ту же точку зрения и четко ограничил объект и роль заявления о толковании правительства Франции единственной формулировкой в отношении толкования договора: «Кроме того, учитывая, что правительство Франции сопровождало свое подписание заявлением о толковании, в котором оно уточняет смысл и значение, которые оно намерено придать Хартии или отдельным ее положениям по смыслу Конституции; что такое одностороннее заявление в нормативном плане представляет собой лишь

⁸⁶² D.M. McRae, note 858 ci-dessus.

⁸⁶³ Четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам (2009 год) (A/CN.4/614/Add.1, пункт 142).

⁸⁶⁴ P. Daillier, M. Forteau et A. Pellet, *Droit international public (Nguyen Quoc Dinh)*, L.G.D.J., Paris, 2010, p. 277.

⁸⁶⁵ G. Abi-Saab, «“Interprétation” et “auto-interprétation”: quelques réflexions sur leur rôle dans la formation et la résolution du différend international», dans *Recht zwischen Umbruch und Bewahrung: Völkerrecht, Europarecht, Staatsrecht: Festschrift für Rudolf Bernhardt*, Berlin, Springer, 1995, p. 14.

⁸⁶⁶ См. сноску 857 выше.

⁸⁶⁷ D. M. McRae, note 858 ci-dessus, p. 169.

⁸⁶⁸ Note 858 ci-dessus, p. 135.

инструмент в соотношении с договором и, в случае возникновения спора, с его толкованием»⁸⁶⁹.

544. Проект руководящего положения 4.7, который открывает раздел, посвященный юридическим последствиям заявления о толковании, закрепляет эти две идеи, с тем чтобы уточнить, что заявление о толковании не влияет на права и обязательства, вытекающие из договора, с одной стороны, и что оно порождает эти последствия только в процессе толкования — с другой. Его можно было бы сформулировать следующим образом:

4.7 Последствия заявления о толковании

Заявление о толковании не изменяет обязательства, вытекающие из договора. Оно может лишь уточнить или разъяснить смысл или значение, которые его автор придает договору или отдельным его положениям, и в силу этого является элементом, который необходимо учитывать при толковании договора.

545. С другой стороны, не следует забывать, что заявление о толковании представляет собой также одностороннее заявление, выражающее волю его автора в отношении принятия определенного толкования договора или его положений. В силу этого, хотя заявление как таковое не создает прав и обязательств для его автора или для других сторон договора, оно может стать препятствием для того, чтобы его автор воспользовался позицией, противоречащей тому, что выражено в его заявлении. Не имеет никакого значения то, называть это явление эстоппелем или нет⁸⁷⁰; речь в любом случае идет о неизбежном следствии принципа добросовестности⁸⁷¹: в своих международных отношениях государство

⁸⁶⁹ Conseil constitutionnel, Décision n° 99-412 DC, 15 juin 1999, *Charte européenne des langues régionales ou minoritaires*, *Journal officiel de la République française*, 18 juin 1999, p. 8964, par. 4.

⁸⁷⁰ Как пояснил судья Альфаро в своем важном особом мнении, которое он приложил ко второму решению Суда по делу о Храме Прэахвихеа (Камбоджа против Таиланда), «какой бы термин или термины ни употребляли для обозначения этого принципа, применяемого в международном праве [estoppel, préclusion, forclusion, acquiescement], его суть от этого не меняется: противоречие между притязаниями или заявлениями государства и его предшествующим поведением в этом вопросе недопустимо (*allegans contraria non audiendus est*). Его цель не меняется: недопустимо, чтобы государство извлекало выгоду из своих собственных противоречий в ущерб другому государству (*nemo potest mutare consilium suum in alterius injuriam*). ... И наконец, юридические последствия этого принципа не меняются: сторона, которая своим признанием, своим представлением, своим заявлением, своим поведением или своим молчанием сохраняла позицию, явно противоречащую праву, которое она пытается отстоять в международном судебном органе, не может претендовать на это право (*venire contra factum proprium non valet*) (C.I.J. *Recueil* 1962, p. 40). См. также les arrêts du 20 février 1969, *Plateau continental de la mer du Nord (République fédérale d'Allemagne/Pays-Bas; République fédérale d'Allemagne/Danemark)*, C.I.J. *Recueil* 1969, p. 26, par. 30; du 22 juillet 1920, *Emprunts serbes*, série A, n°20, p. 38 et 39; du 26 novembre 1984, *Activités militaires et paramilitaires au Nicaragua et contre celui-ci (Nicaragua c. États-Unis d'Amérique)*, *compétence et recevabilité*, C.I.J. *Recueil* 1984, p. 415, par. 51; ou du 13 septembre 1990, *Différend frontalier, terrestre, insulaire et maritime [El Salvador/ Honduras; Nicaragua (intervenant)]*, *requête du Nicaragua à fin d'intervention*, C.I.J. *Recueil* 1990, p. 118, par. 63.

⁸⁷¹ См. решение от 12 октября 1984 года, Делимитация морской границы в районе залива Мэн (Канада/Соединенные Штаты Америки), C.I.J. *Recueil* 1984, p. 305, par. 130. К тому же с этой точки зрения согласуется доктрина. Так, более полувека назад Д. Боуэнт объяснял, что причина существования эстоппеля заключается в принципе добросовестности:

не может лицемерить. Оно не может заявить, что толкует какое-то положение договора одним образом, а перед судьей или в международном арбитраже занять противоположную позицию⁸⁷².

546. Это не означает, что автор заявления о толковании обязан придерживаться предложенного им толкования, которое к тому же может оказаться необоснованным. Значимость толкования зависит от других обстоятельств и может оцениваться только в соответствии с правилами, регулирующими порядок толкования. Здесь нельзя не согласиться с анализом Боуэтта:

«Эстоппель основывается на представлении факта, тогда как поведение сторон при толковании своих соответствующих прав и обязанностей является, по всей видимости, представлением права, нежели представлением факта. Однако в конечном итоге толкование прав и обязанностей сторон должен давать независимый международный суд, и было бы неверным позволять, чтобы поведение сторон при толковании этих прав и обязанностей становилось для них обязательным толкованием»⁸⁷³.

547. Тем не менее, толкуя договор определенным образом, автор заявления о толковании формирует определенные ожидания у своих партнеров по договору, которые, действуя добросовестно, могут принять во внимание это толкование и руководствоваться им⁸⁷⁴. Поэтому автор заявления о толковании не может менять свою позицию по своему усмотрению до тех пор, пока его заявление не будет снято или изменено. Следует, впрочем, напомнить, что, согласно руководящим положениям 2.4.9 (Изменение заявления о толковании)⁸⁷⁵ и 2.5.12 (Снятие заявления о толковании)⁸⁷⁶, автор заявления о толковании вправе его изменить или снять в любой момент.

«Основной нормы является общий принцип добросовестности, который в силу этого воспринят во многих правовых системах» [«Estoppel Before International Tribunals and its Relation to Acquiescence», *British Year Book of International Law*, vol. 33, 1957, p. 176 (notes de bas de page omises)]. См. также A. Pellet et J. Crawford, «Aspects des modes continentaux et anglo-saxons de plaidoiries devant la C.I.J.», dans *International Law between Universalism and Fragmentation-Festschrift in Honour of Gerhard Hafner*, Nijhoff, Leiden/Boston, 2008, p. 831 à 867.

⁸⁷² См. Руководящие принципы, применимые к односторонним заявлениям государств, способным привести к возникновению юридических обязательств, принятые в 2006 году Комиссией международного права, принцип № 10: «Одностороннее заявление, которое порождает юридические обязательства для государства, делающего заявление, не может быть произвольно отозвано. При определении того, будет ли отзыв произвольным, следует учитывать: ... ii) степень, в которой те, по отношению к кому взяты такие обязательства, полагаются на эти обязательства; ...», *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/61/10)*, стр. 386.

⁸⁷³ D. W. Bowett, note 871 ci-dessus, p. 189. См. также D. M. McRae, note 858 ci-dessus, p. 168.

⁸⁷⁴ См. M. Neumann, note 858 ci-dessus, p. 142.

⁸⁷⁵ Данное руководящее положение гласит: «Если в договоре не указано, что заявление о толковании может быть сделано или изменено только в определенные моменты, заявление о толковании может быть изменено в любой момент». (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 10 (A/59/10)*, стр. 261).

⁸⁷⁶ Данное руководящее положение гласит: «Заявление о толковании может быть снято в любой момент в том же порядке, который применим к его формулированию, органами, обладающими компетенцией для этой цели». (Там же, *пятьдесят девятая сессия, Дополнение № 10 (A/59/10)*, стр. 265).

548. Так же как и автор заявления о толковании, государство или международная организация, одобрившие это заявление, разумеется, не могут ссылаться на иное толкование в отношении автора этого заявления.

549. С учетом этих замечаний в Руководство по практике следует включить проект руководящего положения 4.7.2, отражающего такую противопоставимость заявления о толковании в отношении его автора:

4.7.2 Значение заявления о толковании для его автора

Автор заявления о толковании или одобрившее такое заявление государство или международная организация не вправе ссылаться на толкование, которое противоречит толкованию, предложенному в этом заявлении.

550. В силу самой природы акта толкования (которое есть процесс⁸⁷⁷ и больше искусство, чем точная наука⁸⁷⁸) невозможно путем обобщения и абстрагирования определить ценность толкования, не обратившись к «общему правилу толкования», которое установлено статьей 31 Венских конвенций о праве международных договоров и которое ни в коем случае не может ставиться под сомнение или пересматриваться в связи с настоящим докладом. Поэтому в рамках данного исследования необходимо полностью сосредоточиться на анализе вопроса об авторитетности толкования, предлагаемого в заявлении о толковании, и вопроса о его доказательственной ценности для независимых толкователей — т.е. о его месте и роли в процессе толкования.

551. В отношении первого вопроса — об авторитетности заявления, предлагаемого автором заявления о толковании, — не следует забывать о том, что согласно определению заявления о толковании такое заявление является односторонним⁸⁷⁹. Соответственно, предлагаемое в нем толкование само по себе является не чем иным, как односторонним толкованием, которое не имеет какой-то особой ценности и как таковое, безусловно, не может быть обязательным для других сторон договора. Этот принцип здравого смысла уже был подтвержден Ваттелем:

«Ни одна, ни другая заинтересованная или договаривающаяся сторона не вправе толковать документ или договор по собственному усмотрению»⁸⁸⁰.

В ходе обсуждения проекта статьи 70 (которая стала статьей 31), подтверждающая общее правило толкования, г-н Розен высказал мнение,

«что возможна такая ситуация, при которой, например, сенат Соединенных Штатов даст одностороннее толкование относительно смысла договора, которое не обязательно будет приемлемо для другой стороны. Такое

⁸⁷⁷ Акт «логически интеллектуальный» (“logico-intellective”), согласно определению Р. Сапьянцы (“Les déclarations interprétatives unilatérales et l’interprétation des traités”, *Revue générale de droit international public*, vol. 103, 1999, p. 623).

⁸⁷⁸ См. четырнадцатый доклад об оговорках к международным договорам, A/CN.4/614/Add.1, пункты 140 и 141.

⁸⁷⁹ *Ежегодник, 1999 год*, том II, часть вторая, стр. 113.

⁸⁸⁰ E. de Vattel, *Le droit des gens, ou principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains*, Washington, Carnegie Institution of Washington, 1916, Part II, p. 462, par. 265.

чисто одностороннее заявление о толковании, сделанное в связи с заключением договора, не может иметь обязательной силы для сторон»⁸⁸¹.

552. Апелляционный орган органа по урегулированию споров Всемирной торговой организации выразил ту же идею следующим образом:

«Цель толкования договоров согласно статье 31 Венской конвенции заключается в том, чтобы установить общие намерения сторон. Эти общие намерения не могут быть установлены на основании субъективных «ожиданий» одного из участников, определенных им в одностороннем порядке»⁸⁸².

553. Поскольку такое заявление отражает лишь одностороннее намерение его автора (или, в лучшем случае, при условии его одобрения рядом сторон, — разделяемое намерение⁸⁸³), это заявление, вне всякого сомнения, не может иметь объективную ценность, противопоставимую *erga omnes*, и тем более не может иметь ценность аутентичного толкования, принятого всеми сторонами⁸⁸⁴. Не будучи определяющим для смысла, который следует придавать терминам договора, оно, тем не менее, оказывает некоторое влияние на процесс толкования.

554. При этом, однако, трудно точно определить, на каком основании заявление о толковании может быть отнесено к числу «факторов» толкования, указанных в статьях 31 и 32 Венских конвенций. В свое время еще сэр Хамфри весьма осторожно высказал определенные сомнения по этому поводу:

«Заявления о толковании не были рассмотрены Комиссией в настоящем разделе по той простой причине, что эти заявления не являются оговорками и, по всей видимости, относятся к толкованию, а не к заключению договоров. Представляется, что они в большей степени относятся к статьям 69–71. Эти статьи предусматривают, что «для целей толкования договора его контекст» понимается как охватывающий «любые соглашения или документы, которые относятся к договору и которые были достигнуты или составлены в связи с заключением договора» (пункт 2 статьи 69); что «наряду с контекстом» договора для целей его толкования также учитываются «любое соглашение между участниками относительно толкования договора» и «любая последующая практика применения договора, которая четко устанавливает согласие всех участников относительно его толкования» (пункт 3 статьи 69); что возможно обращение к «дополнительным средствам толкования», в том числе «к подготовительным мате-

⁸⁸¹ *Ежегодник, 1964 год*, том I, 769-е заседание, 17 июля 1964 года, стр. 327 французского текста, пункт 52.

⁸⁸² Décision du 5 juin 1998, *Communautés européennes – Classement tarifaire de certains matériels informatiques*, WT/DS62-67-68/AB/R, par. 84 (italiques dans le texte) (également disponible sur le site Internet de l'Organisation mondiale de commerce (http://www.wto.org/french/tratop_f/dispu_f/ab_reports_f.htm).

⁸⁸³ В этой связи М. Хейман поясняет: «Если простое заявление о толковании принимается только частью договаривающихся сторон, такое разделяемое толкование не является самостоятельным фактором толкования по смыслу Венской конвенции о праве международных договоров. Это объясняется тем, что в ходе толкования договора необходимо учитывать намерения всех сторон, тогда как разделяемое толкование выражает лишь волю более или менее многочисленной группы договаривающихся сторон» (note 858 ci-dessus, p. 135, note de bas de page omise).

⁸⁸⁴ Об этом случае см. пункты 567–572 ниже.

риалам и к обстоятельствам заключения договора» (статья 70), и что термину может придаваться значение, отличное от его обычного значения, в том случае, если несомненно установлено, что участники имели намерение придать этому термину такое специальное значение. Каждое из этих положений может иметь значение при оценке юридических последствий заявления о толковании в каждом конкретном случае ... По мнению Специального докладчика, Комиссия была совершенно права, решив, что вопрос о заявлениях о толковании относится к статьям 69–71, а не к разделу об оговорках...»⁸⁸⁵.

555. Включение заявлений о толковании в число факторов, учитываемых при толковании договора, зависит в первую очередь от контекста заявления и от согласия других государств-участников. Но особенно интересно отметить, что в 1966 году Специальный докладчик категорически отказался включать в понятие «контекста» односторонние заявления или соглашения *inter partes* в ответ на предложение Соединенных Штатов о внесении соответствующей поправки. Специальный докладчик тогда пояснил, что только при наличии определенной степени согласия со стороны других участников договора можно было бы включать заявления или соглашения *inter partes* в понятие контекста для целей толкования:

«По существу пункта 2 ... в предложении правительства Соединенных Штатов о необходимости уточнения, охватывает ли понятие контекста 1) односторонний документ и 2) документ, согласованный несколькими, но не всеми участниками многостороннего договора, поднимаются проблемы как существа, так и формы, о которых Комиссия знала в 1964 году, но которые оказалось не просто устранить. Но представляется очевидным, что односторонний документ, в принципе, не может рассматриваться как часть «контекста» для целей толкования договора, за исключением тех случаев, когда другие участники соглашаются с тем, что такой документ имеет значение для толкования договора или для определения условий принятия договора соответствующим государством. Аналогичным образом, если документ исходит от группы участников многостороннего договора, представляется, что по принципиальным соображениям значимость этого документа для целей толкования договора должна быть признана другими участниками. Вопрос о том, является ли «односторонний» или «групповой» документ частью контекста, зависит от конкретных обстоятельств каждого случая, и Специальный докладчик считает нецелесообразным для Комиссии выходить за рамки констатации ключевого принципа, заключающегося в необходимости явного или подразумеваемого согласия»⁸⁸⁶.

556. Г-н Сапьенца также делает вывод о том, что заявления о толковании, которые не были одобрены другими участниками, не подпадают под действие подпункта (b) пункта 2 статьи 31 Венских конвенций:

⁸⁸⁵ См. четвертый доклад о праве международных договоров, A/CN.4/177 и Add.1 и 2, *Ежегодник, 1965 год*, том II, стр. 52 французского текста, пункт 2), замечания Специального докладчика к проектам статей 18, 19 и 20 (сноски опущены).

⁸⁸⁶ Сэр Хамфри Уолдок, шестой доклад о праве международных договоров, *Ежегодник, 1966 год*, том II, стр. 106 французского текста, пункт 16.

«В первую очередь возникает вопрос о значении выражения «принято другими участниками в качестве документа, имеющего отношение к договору». Означает ли это, что согласие других участников должно ограничиваться признанием того, что рассматриваемый документ имеет отношение к договору, или оно должно распространяться и на содержание толкования? Нам представляется, что на самом деле такой выбор не стоит, поскольку в пункте 2 подтверждается, что такие документы учитываются «для целей толкования». Следовательно, принятие другими сторонами документов, о которых говорится в подпункте (b), означает лишь согласие на использование толкования, предложенного в этом заявлении, в процессе выяснения нормативного содержания положений договора, даже по отношению к другим государствам»⁸⁸⁷.

557. И все же, хотя на первый взгляд может показаться, что такие заявления о толковании не подпадают под действие статей 31 и 32 Венских конвенций, они, тем не менее, представляют собой (одностороннее) выражение намерения одного из участников договора и поэтому могут играть определенную роль в процессе толкования.

558. В своем консультативном заключении о международном статусе Юго-Западной Африки Международный Суд в связи с заявлениями Южно-Африканского Союза относительно его международных обязательств, установленных мандатом, отметил:

«Эти заявления означают признание правительством Союза сохранения в силе своих обязательств в соответствии с мандатом и не являются простым заявлением относительно будущего поведения этого правительства. Толкование правовых документов, данное самими сторонами, хотя и не является достаточным для определения смысла, имеет, тем не менее, огромную доказательственную ценность в том случае, когда это толкование содержит признание одной из сторон своих обязательств по документу. В рассматриваемом случае заявления Южно-Африканского Союза служат подтверждением заключений, сделанных Судом»⁸⁸⁸.

559. Таким образом, Суд уточняет, что заявления государств относительно их международных обязательств имеют определенную «доказательственную ценность» для толкования условий правовых документов, в связи с которыми сделаны эти заявления, но они служат подтверждением уже выработанного другими способами толкования и тем самым подкрепляют его. В этом смысле заявление о толковании может подтверждать толкование, основанное на объективных факторах, перечисленных в статьях 31 и 32 Венских конвенций.

560. В деле о *делимитации морских пространств в Черном море (Румыния против Украины)*⁸⁸⁹ Суд вновь рассмотрел вопрос о значении заявления о тол-

⁸⁸⁷ R. Sapienza, *Dichiarazioni interpretative unilaterali e trattati internazionali*, Giuffrè, Milan, 1996, p. 239 et 240. Voir aussi R. Jennings et A. Watts, *Oppenheim's International Law*, vol. I, 1992, p. 1268 («Однако толкование, согласованное лишь некоторыми из участников многостороннего договора, может и не быть решающим, поскольку интересы и намерения других участников, возможно, также должны быть учтены»).

⁸⁸⁸ Avis consultatif du 11 juillet 1950, *Statut international du Sud-Ouest africain, C.I.J. Recueil 1950*, p. 135 et 136.

⁸⁸⁹ Arrêt du 3 février 2009, *Délimitation maritime en Mer Noire (Roumanie c. Ukraine)*, disponible sur le site Internet de la Cour (<http://www.icj-cij.org/>).

ковании. При подписании и ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву Румыния сформулировала следующее заявление о толковании:

«Румыния заявляет, что в соответствии с требованиями справедливости, о которых говорится в статьях 74 и 83 Конвенции по морскому праву, ненаселенные острова, не имеющие экономической жизни, не могут оказывать какого-либо влияния на делимитацию морских пространств, примыкающих к основному побережью прибрежных государств»⁸⁹⁰.

В своем решении Суд, однако, не придавал большого значения заявлению Румынии и ограничился следующим замечанием:

«Что касается заявления Румынии ... Суд отмечает, что статья 310 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву не запрещает государству формулировать такие заявления в момент подписания или ратификации Конвенции или присоединения к ней, при условии, что такие заявления не направлены на то, чтобы исключить или изменить юридическое действие положений Конвенции по морскому праву в их применении к государству, являющемуся их автором. Поэтому Суд будет применять соответствующие положения Конвенции по морскому праву в том толковании, которое он дает им в своей практике, в соответствии со статьей 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года. Заявление Румынии само по себе никак не влияет на толкование, даваемое Судом»⁸⁹¹.

561. Радикальность этой формулировки может заставить усомниться в самой целесообразности заявлений о толковании. Из нее можно заключить, что заявление «никак не влияет» на толкование положений Монтегобейской конвенции, даваемое Судом. Однако использование выражения «само по себе» позволяет в некоторой степени смягчить это радикальное замечание: Суд не считает, что он обязан руководствоваться односторонним толкованием, предложенным Румынией. Это, однако, не означает, что такое одностороннее толкование не может оказывать определенное влияние как средство доказывания или как фактор, который может быть использован при обосновании толкования, даваемого Судом «в соответствии со статьей 31 Венской конвенции о праве международных договоров».

562. Сходную позицию занял Страсбургский суд. Вслед за Европейской комиссией по правам человека, ранее уже подтвердившей, что заявление о толковании «может учитываться при толковании статей Конвенции»⁸⁹², Суд избрал этот же подход при рассмотрении дела «Кромбах против Франции»: заявления о толковании могут подтверждать толкование, данное в соответствии с общепринятыми стандартами. Таким образом, для того чтобы определить, может ли вышестоящая судебная инстанция при рассмотрении уголовного дела ограничиваться анализом вопросов права, Суд сначала проанализировал практику государств, затем собственную практику по данному вопросу и в заключение сослался на заявление о толковании, сформулированное Францией:

⁸⁹⁰ *Traité multilatéraux déposés auprès du Secrétaire général*, en ligne <http://treaties.un.org/> (chap. XXI, 6).

⁸⁹¹ Решение от 3 февраля 2009 года, сноска 889 выше, пункт 42.

⁸⁹² См. сноску 857 выше.

«Суд напоминает, что договаривающиеся государства в принципе обладают широкими полномочиями при определении порядка осуществления права, закрепленного в статье 2 Протокола № 7 к Конвенции. Поэтому в ходе пересмотра вышестоящей судебной инстанцией приговора или наказания могут затрагиваться как вопросы факта, так и вопросы права, либо исключительно вопросы права; более того, в ряде стран подсудимый, желающий обжаловать решение, в некоторых случаях обязан испрашивать разрешение на это. Однако любые ограничения, установленные национальным законодательством в отношении права на пересмотр, упомянутые в этом положении, должны, по аналогии с правом допуска на судебные заседания, провозглашенным в пункте 1 статьи 6 Конвенции, преследовать законную цель и не должны затрагивать само существо этого права (см. дело *Haser c. Suisse* (décision), n° 33050/96, 27 avril 2000, non publiée). Это положение само по себе согласуется с исключением, допускаемым пунктом 2 статьи 2, и подтверждается заявлением Франции относительно толкования этой статьи, которое гласит: „По смыслу пункта 1 статьи 2 пересмотр вышестоящей судебной инстанцией может ограничиваться проверкой применения закона, как при кассационном производстве“»⁸⁹³.

563. Именно поэтому государства делают свои заявления о толковании. Так, в ходе прений в Международном Суде по делу о законности применения силы (Югославия против Соединенных Штатов Америки) представитель Соединенных Штатов Америки в обоснование своих доводов сослался, помимо прочего, на сделанное Соединенными Штатами заявление о толковании, в котором подчеркивается, что элементом *sine qua non* квалификации геноцида является наличие *mens rea specialis*:

«Предусмотренное Конвенцией требование о наличии в таких обстоятельствах специального намерения было недвусмысленно подтверждено в заявлении Соединенных Штатов о толковании, сделанном при ратификации Конвенции. В этом заявлении о толковании указывается, что «деяния, совершенные в ходе вооруженных конфликтов без специального намерения, предусмотренного статьей II, не обладают всеми признаками преступления геноцида согласно определению, данному в этой Конвенции». Социалистическая Федеративная Республика Югославия не заявила возражений против этого заявления о толковании, и здесь заявитель не пытался поставить его под сомнение»⁸⁹⁴.

564. Таким образом, из практики и теоретического анализа следует, что заявления о толковании выполняют функцию исключительно вспомогательного или дополнительного средства толкования, которое подтверждает значение, выявляемое с помощью положений договора с учетом его объекта и цели. Поэтому сами по себе они не порождают последствий; когда последствия имеются, то заявления связаны с другим инструментом толкования, который они в большинстве случаев просто подкрепляют.

565. Следовательно, толкователь может ссылаться на заявления о толковании для обоснования своих выводов по поводу толкования договора или какого-либо из его положений. Эти заявления представляют собой выражение субъек-

⁸⁹³ Cour européenne des droits de l'homme, arrêt du 13 février 2001, *Krombach c. France*, requête n° 29731/96, par. 96.

⁸⁹⁴ Compte-rendu 1999/35, 12 mai 1999, p. 1 et 2 (M. Andrews).

тивного фактора толкования — намерения одного из государств — участников и в силу этого могут служить подтверждением «обычного значения, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора». В связи с этим следует также учитывать возможные реакции на заявление о толковании со стороны других участников, потенциально также являющихся толкователями договора. Заявление о толковании, одобренное одним или несколькими государствами, безусловно, имеет бóльшую доказательственную ценность для определения намерения участников, чем заявление о толковании, в связи с которым заявлено несогласие⁸⁹⁵.

566. Этим «подтверждающим» последствиям заявления о толковании посвящен проект руководящего положения 4.7.1, который можно было бы сформулировать следующим образом:

4.7.1 Разъяснение терминов договора посредством заявления о толковании

Заявление о толковании может способствовать разъяснению обычного значения, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора в соответствии с общим правилом толкования договоров.

При оценке значимости того или иного заявления о толковании для толкования договора следует надлежащим образом учитывать случаи одобрения и несогласия в отношении такого заявления о толковании со стороны других договаривающихся государств и договаривающихся сторон.

567. В то же время согласие других участников договора с заявлением о толковании в корне меняет положение. В ходе обсуждений в Комиссии международного права сэр Хамфри напомнил, что Комиссия

«согласилась с тем, что для определения значения заявлений участников для целей толкования необходимо убедиться в наличии в них указания на общее согласие сторон. Согласие других сторон является обязательным»⁸⁹⁶.

568. Единодушное согласие всех участников является, таким образом, подлинным соглашением о толковании, которое отражает волю «хозяев договора» и в силу этого представляет собой аутентичное толкование⁸⁹⁷. Одним из примеров такого согласия стало единодушное одобрение договаривающимися государствами Пакта Бриана-Келлога 1928 года заявления о толковании, сделанного Соединенными Штатами Америки относительно права на самооборону⁸⁹⁸.

569. В этом случае по-прежнему также непросто определить, частью какого контекста — внутреннего (пункт 2 статьи 31) или внешнего (пункт 3 статьи 31) — является соглашение о толковании. В действительности все зависит

⁸⁹⁵ D. M. McRae, note 858 ci-dessus, p. 169 et 170.

⁸⁹⁶ *Ежегодник, 1966 год*, том I, часть первая, 829-е заседание, 12 января 1966 года, стр. 49 французского текста, пункт 53. См. также R. Kolb, *Interprétation et création du droit international*, Bruylant, Bruxelles, 2006, p. 609.

⁸⁹⁷ См. сноску 860 выше. См. также M. Neumann, сноска 858 выше, p. 130 à 135; I. Voicu, *De l'interprétation authentique des traités internationaux*, Paris, Pedone, 1968, p. 134, ou M. Herdegen, «Interpretation in International Law», *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*, online <http://www.mpepil.com/>, par. 34.

⁸⁹⁸ *American Journal of International Law, Supplement*, vol. 23, 1929, p. 1 à 13.

от обстоятельств, при которых было сделано заявление и при которых оно было одобрено другими участниками. Так, в случае, когда заявление сделано до подписания договора и одобрено в момент (или до) выражения всеми участниками согласия на обязательность для себя договора, это заявление в комплексе с его единодушным одобрением можно рассматривать как соглашение о толковании, которое может пониматься как «соглашение, относящееся к договору, которое было достигнуто между всеми участниками в связи с заключением договора» по смыслу пункта 2 а) статьи 31 или как «любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору» по смыслу пункта 2 б) той же статьи. Если, однако, соглашение о толковании достигается уже после заключения договора, может возникнуть вопрос о том, идет ли речь просто о «последующей практике применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно толкования» по смыслу пункта 3 б) статьи 31, или, в силу его формального характера, заявление в комплексе с его единодушным одобрением представляет собой «последующее соглашение между участниками относительно толкования договора или применения его положений»⁸⁹⁹.

570. Хотя этот вопрос и не был урегулирован Комиссией, в своем комментарии к пункту 3 а) статьи 27 (ставшей впоследствии статьей 31) проекта статей она указала:

«Иногда может возникать вопрос фактического характера относительно того, задумывалось ли достигнутое сторонами в ходе переговоров соглашение о смысле того или иного положения как основа для его толкования, или нет. Но если установлено, что соглашение о толковании того или иного положения было достигнуто до или во время заключения договора, оно, вне всякого сомнения, может рассматриваться как неотъемлемая часть договора. Так, при рассмотрении дела Амбатиелоса Суд заявил следующее: «... положения Декларации носят характер толковательных статей и как таковые должны рассматриваться как неотъемлемая часть Договора». Аналогичным образом, соглашение о толковании того или иного положения, достигнутое после заключения договора, представляет собой аутентичное толкование сторон, которое должно рассматриваться как составляющая договора для целей его толкования»⁹⁰⁰.

571. Тем не менее, соглашение между участниками относительно толкования договора должно учитываться наряду с текстом.

572. В проекте руководящего положения 4.7.3 признается такая практика заявлений о толковании, одобренных всеми участниками договора:

4.7.3 Последствия заявления о толковании, одобренного всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями

Заявление о толковании, одобренное всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, представляет собой соглашение по вопросу о толковании договора.

⁸⁹⁹ В этой связи см., в частности, М. Неуманн, note 858 ci-dessus, p. 130.

⁹⁰⁰ *Ежегодник, 1966 год, том II*, стр. 241 французского текста, пункт 14 комментария (сноски опущены).

573. Даже в отсутствие уверенности в единодушном согласии относительно заявления о толковании такое заявление, тем не менее, не утрачивает полностью своей значимости. Подобное заявление может служить основой для соглашения о толковании договора, однако оно же может и препятствовать достижению такого соглашения⁹⁰¹. Профессор Макрей в этой связи отметил:

«„Простое заявление о толковании“ извещает о позиции, которую намерено занять государство, сделавшее такое заявление, и может стать предвестником возможного конфликта между этим государством и другими договаривающимися сторонами»⁹⁰².

⁹⁰¹ M. Heymann, note 858 ci-dessus, p. 129.

⁹⁰² D. M. McRae, note 858 ci-dessus, p. 160 et 161 (notes de bas de pages omises).